

НЕ ПРИНЯЛИ в пионеры только четверых. Жорку Климова, меня, Вовку Рогова и Петьку Кислова. Жорку и меня за непримиримую ненависть к учительнице немецкого языка. Мы считали Эльзу Генриховну одной из виновниц того, что где-то шла страшная война, гибли люди из нашего села и что мы были в вечном страхе за своих отцов.

Жорка однажды положил в поленья патроны от мелкашки, и они с оглушительным треском разорвались на уроке немецкого языка, а я в капсулу вдавливал вар с дробинками и подкладывал их под ножки стула. И когда Эльза Генриховна садилась, то тут же вскакивала от грохота и бежала к двери.

Когда после торжественной линейки я вышел из школы, Жорка толкнул меня локтем в бок, тихо и внятно проговорил:

— Отстань малость. Разговор есть.

Я был польщен. Среди ребят Жорка считался самым гордым и смелым. С нами он водился мало. Часто уходил в лес и там в одиночестве проводил многие часы. Возвращаясь, загадочно поглядывал на нас и таинственно улыбался.

Мы чуть приотстали. Жорка сказал:

— Сегодня я понял, что ты стоящий парень. Не то что Рондья-подкалм. Лепешки из муки ест, а мы — из картошки...

Губы у Жорки скривились презрительно, щени поbledнели. Рондью он не любил особенно. Его дед работал на мельнице, и в доме у них водился достаток. За лепешки он у нас выменивал рогатики, поджиги, складнички, биты.

— Он даже в шахматы играть не может, а туда же... в пионеры...

— Не зря? От обиды, может? — спросил я.

Жорка остановился, долго смотрел на меня, будто раздумывая, но напрасно ли связался со мной, зло ответил:

— Ты что, с луны свалился? Да он же собачий сват.

— Какой?.. — изумился я.

— Он щенка у математички взял. А потом загноил на Березовку, Козлову. За щенка математичке дрова колет да в доме убирает.

— Она же старая, не под силу ей...

— А ты за щенку пойдешь под мышь?

— ...

— А он подкалм. — Жорка цыкнул сквозь зубы и добавил: — Ко мне пойдем. Только не трепаться. Верю тебе, потому и покажу кое-что.

День выдался теплым, спокойным. Деревья, истомленные тихим зноем, резко пахли. Верещали вокруг воробьи, прощивали воздух стремительные ласточки.

— А знаешь, что, если ласточку убьешь, то дом сгорит или корова вымя испортит? — без всякого перехода спросил мой новый друг.

Я это давно знал и сказал об этом утвердительно.

— Ерунда! Я убивал — ни то, ни другое не случилось. Случайно. В лапту играли. Подоб-

П. Шманов

ЖОРКИНА ТАЙНА

РАССКАЗ

рал ее, умирающую, так глаза, как у человека, грустные. И слезинки были. В горле у меня аж все сперло. Похоронил я ее честь по чести. В прошлое лето. Ласточки полезные: мошкяру уничтожают.

Жорка — и вдруг хоронит птичку? Этому трудно поверить. Он мог, не моргнув глазом, полоснуть лезвием по руке, мог встать на уроке и выйти из класса с таким независимым видом, что учитель не находил слов, чтобы его остановить. Это уже совершенно новая его сторона, которую я и не знал. Жорка не обратил внимания на мое удивление и опять без всякого перехода продолжал:

— Так вот, будь нас побольше, мы бы постояли за себя. Нас бы приняли в пионеры. Давай дружить с тобой, и чтобы друг за дружку горой.

— Давай, — протянул я руку и взглянул Жорке в глаза. В них стояли тоска и боль, такие, что мне стало не по себе. Он отвернул взгляд в сторону. Ему было тяжело. Он чем-то мучился. А чем, понять было трудно. Подождать немного, не разговаривая ли сам Жорка, я спросил напрямую:

— Если дружить — не скрывать, чур, ничего?

Жорка нервно перебрал губами, словно на них села муха, тряхнул головой, мрачно сказал:

— Пойдем.

И он, резко повернувшись, шагнул в сторону. Я последовал за ним. Мы миновали Жоркин дом, обогнули низкий сухой плетень и вышли за огороды. Едва приметная стейжка повела нас к мелкому березня-

ку, частому и трепетному. Листья на солнце масляно лоснились, играли тусклыми бликами.

Жорка обошел кустарник и направился к кладбищу. А там метрах в двухстах-трехстах был овраг. К обрыву мы с трудом продралась сквозь шиповник. Жорка сел на кромке оврага, подождал меня. Я пристроился рядом с ним. Перед нами вниз уходил овраг. Дно его заросло тальником, черемушником, мелкой осинкой.

— Здесь на задку надо ска-

ния отрешенностью, тихо начал Жорка. — Помочь ты мне должен.

Жорка сел на ящик, достал снизу книгу, вынул из нее тетрадный листок, исписанный его рукой, протянул мне.

— Перепиши.

Я взял листок, взглянул непонимающе на своего друга и принялся читать.

«С фронтовым приветом, мои ненаглядные! Дела идут на поправку. Не пугайтесь только. Не писал долго потому, что был ранен В руку, потому и пишу незнакомо.

Целую тебя, Пашенька, тебя, мой хозяин дома, Жорик, и тебя, мой карапуз, и вас, мои невесты Гамолосенька, Леночка. Скоро поправлюсь и пойду бить фашистскую нечисть...».

Тяжкое, неосознанное предчувствие сдавило мне сердце. Горло перехватило горячим кольцом, и я не мог вымолвить слова. Я ждал слов Жоркиных, как взрыва, как удара. И дождался.

— Убит мой батя. А мать мой почерк узнает. Мамка больная... Узнай — и она...

Жорка не сдержался. Дернулся всем телом и, не скрываясь, залкал. Не мог сдержать слез и я. Ведь и у меня отец на фронте. И тоже вот вторую неделю нет писем. Может, в горячих боях участвует и не до писем ему. Может, почта попала под обстрел. А может, и... Да, скорей всего, не до писем ему.

— Я и штамп из картошки сделал. Вроде похож...

«А его не приняли в пионеры. — думалось зло мне, — Ведь такой человек. Такой мировой друг! Сила воли... Завтра же расскажу пионервожатой...».

— Только об этом — могла, — успокоившись немного, перебил мой мысли Жорка. — Ни в школе, ни дома. Вот. Теперь пошли. Дома воды мне надо натаскать и дров наколоть.

Мы выбрались из убежища, молча дошли до кладбища и разошлись.

— Вечером, может, зайдешь? — крикнул он, обернувшись. Я кивнул.

Солнце падало уже за рекой, земля ближе к селу серела. На душе у меня тоже было серо и больно. И не чувств рывал я, как всегда в эту осеннюю пору, легкой приподнятости во всем теле. Я не замечал улеглые стада стожков соломы, брызжущую изумрудной зеленью озимь за рекой, а шел тихо, придвинуто. Я осторожно лес в душе Жоркину тайну, боясь выплеснуть ее наружу...

Зам. редактора
А. А. СЕМИРЕКОВ.